

*Тараборин Роман Сергеевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского
института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ПАРТИКУЛЯРНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО В ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Принятый в первой половине XIX века Свод законов гражданских, как и весь Свод законов Российской империи, являлся общеимперским законодательством, но его действие распространялось не на всю территорию, входившую в первой половине XIX в. в состав Российского государства. Особенностью российского законодательства являлось совмещение общеимперского и местного (партикулярного) законодательства, хотя, конечно, подобная особенность не носила уникального характера, поскольку полиэтничный и поликонфессиональный состав населения, являвшийся основной предпосылкой сохранения или частичной адаптации на вновь присоединённых территориях местных законов, был типичен для всех империй.

Необходимость совмещения общеимперского и местного законодательств официально признавалась в манифесте Николая I от 31 января 1833 г., посвящённом изданию Свода законов [4, Т. VIII-1. № 5947] и конкретизировалась в «Основных государственных законах». В них устанавливалось, что «законы в Империи действуют или единообразно в общей их силе, или с местными в некоторых их частях изменениями. Пространство сих изменений, места, где они допускаются, и связь их с законами общими определяются в особенных законах, учреждениях и уставах», причём до-

полнительно признавался приоритет местных правовых узаконений при возникновении коллизий с общеимперскими законами: «Законы, особенно для какой-либо губернии или для какого-либо рода людей изданные, новым общим законом не отменяются, если в нем именно таковой отмены не постановлено» [5].

С формально-политической точки зрения Россия обрела имперский статус в 1721 г., но этноконфессиональные предпосылки для превращения страны в империю возникли ещё в предыдущий исторический период, когда в середине XVI в. под власть Москвы перешли земли бывшей Золотой Орды. Для империи недостаточно только иметь этническое разнообразие (оно в известной степени имело место и в Древней Руси), важен уровень социального, культурного и политического развития тех народов, которые включаются в её состав. Именно после присоединения Казанского и Астраханского ханств «впервые под русским господством оказалась самостоятельная государственная структура с собственной исторической традицией, легитимной правящей династией, общественной элитой, которая ... принадлежала к иной ... высокой культуре ислама» [1, с. 17].

До XVIII в. расширение территории Московского государства шло в восточном направлении и происходило преимущественно путём т.н. «народной колонизации», то есть постепенного стихийного расселения за пределы исторического ядра русского населения – крестьянства и казачества. Государство в лице представителей царской администрации приходило вслед за заселением новой территории и началом её хозяйственного освоения [3].

Конкретные действия Московского государства по отношению к населению новых территорий определялись, прежде всего, политическими соображениями: « ... при условии сохранения лояльности и исполнения определённых обязательств (определяемых в каждом случае индивидуаль-

но и весьма разнящихся между собой) местный уклад жизни, в том числе и в социально-политическом отношении, оставался неприкосновенным» [2, с. 99]. В результате «... оставались не разрушенными административный и правовой порядок, отношения земельной собственности, верования», имела место кооперация с местными элитами, «которые по своему социально-политическому положению были подобны русскому дворянству», их включали в состав российского наследственного дворянства [1:46-47].

Признание верховной власти московского самодержца местным населением во многом облегчалось тем обстоятельством, что «персона и прерогативы российского монарха понимались жителями восточных регионов России в контексте их традиционных представлений о верховной власти», в силу чего на российского монарха «автоматически» переносилось то же представление о неограниченности его власти, что раньше относилось к хану [7, с. 99-100].

Достижение политической лояльности позволяло сохранять прежний «правовой порядок», хотя, конечно, пределы такого сохранения не были постоянны, меняясь в зависимости от потребностей и возможностей центральной власти. Наименьшим изменениям подвергалась основа «местного уклада жизни» – частно-правовые отношения, в которые вступали между собой и с внешним миром жители вновь присоединённых территорий Поволжья, Урала и Сибири: область гражданско-правовых отношений в восточных «инородческих» регионах Московского государства регулировалась на основе либо мусульманского, либо обычного права. Однако поскольку основной целью центральной власти было обеспечить поддержку местных элит, то определённая защита их интересов осуществлялась и на уровне общегосударственного законодательства. Так, в Соборное уложение был включён ряд статей, прямо направленных на обеспечение помещенных прав «князей и мурз» нерусских народов Поволжья (татар, башкир,

мордвы, чувашей и т.д.) при условии несения ими государственной службы [6], однако никаких статей, отдельно посвящённых регламентации правовых отношений внутри самих этих народов, не содержалось.

В начале XVIII в. в ходе Северной войны определилось новое – западное – направление территориальной экспансии России и изменился способ расширения границ – он приобрёл преимущественно силовой государственный характер. В результате в состав Российской империи на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. вошли территории, населённые либо иными этноконфессиональными общностями (Прибалтика, Польша, Финляндия), либо народами, принадлежавшими к другим ответвлениям православия (Грузия, Армения, Бессарабия). Одновременно в значительной мере завершилось воссоединение в пределах Российской империи православных славянских народов (в терминологии того времени – великороссов, малороссов и белоруссов). С 1817 г. началась длительная (до 1864 г.) война России за овладение Северным Кавказом, а окончательно формирование границ империи завершилось во второй половине XIX в. с присоединением Средней Азии.

В результате приобретений, произошедших до середины XIX в., этноконфессиональный состав населения претерпел радикальные изменения. К концу XVIII в. (пятая «ревизия») три православных славянских этноса продолжали доминировать (83%). Но к этому времени в составе населения, кроме мусульман Поволжья, оказалось немало народов (поляки, литовцы, латыши, эстонцы, немцы, евреи, крымские татары и т.д.), с иной религией, а некоторые – с собственными глубокими традициями государственности, естественной частью которых были и письменные правовые традиции, непременно включавшие в качестве важнейшей составной части гражданские законы. Последующие присоединения также в значительной

мере коснулись народов (румыны, финны, шведы, грузины, армяне), обладавших давними традициями государственности и письменного права.

Таким образом, появление в составе единого государства значительного числа преимущественно проживавших в западных и южных пограничных регионах и компактно сосредоточенных этносов (например, в Великом княжестве Финляндском в 1834 г. проживало 86% финнов и 12% шведов [1, с. 89]) остро поставило перед центральной властью вопрос обеспечения внутривластной стабильности в этих регионах как необходимого условия сохранения имперских позиций России на мировой арене. В современной литературе отмечается, что любая империя стремится к унификации своего институционального и культурного пространства, но концентрирует подобные усилия «в ключевых с политической и военно-стратегической точки зрения зонах», при этом, как правило, сохраняя «в неприкосновенности традиционные стереотипы социального действия в тех сегментах, вторжение в которые не обязательно с точки зрения поддержания имперской стабильности, но чревато жестко негативной реакцией» [2, с. 54-55].

Подобную политику стали проводить, начиная с Петра I, и российские императоры: необходимость обеспечения целостности и безопасности империи диктовала центральной власти курс на инкорпорирование вновь присоединённых территорий, в том числе и путём распространения на них общеимперского законодательства, но одновременно – ради обеспечения лояльности местного населения – политику определённых уступок в тех сферах регулирования, которые не угрожали сепаратизмом, но были чувствительны для местных жителей, поскольку касались их повседневной жизни, господствующих нравов и обычаев. В правовом отношении последние относились к области гражданско-правовых отношений, и поэтому не случайно, что проблема сохранения, наряду с общеимперским, мест-

ного законодательства оказалась, в первую очередь, проблемой отношения центральной власти к гражданскому законодательству в составе местного законодательства вновь присоединённых территорий.

В общей сложности местные законы постоянно или в течение определённого времени действовали на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. в 7 национальных регионах России: Остзейских губерниях (Лифляндской, Эстляндской и Курляндской), Царстве Польском, Великом княжестве Финляндском, Западных губерниях, Малороссийских губерниях, Бессарабии и Грузии (Закавказье в целом).

Законодательная политика имперской власти в отношении этих территорий имела два направления, в зависимости от того, относилось признание центром действия местного законодательства к сферам публичного и частного права или только к сфере частного (гражданского) права.

В первом случае (Царство Польское, Бессарабия, Великое княжество Финляндское) непосредственно после присоединения сохранялись и те, и другие правовые институты и соответствующее законодательство; во втором – сохранялось почти исключительно законодательство, касавшееся гражданско-правовых отношений. При этом необходимо учесть, что наиболее разветвлённые и находившиеся на близком к европейскому уровню системы гражданского права до вхождения в состав России, существовали на белорусских землях, ранее составлявших основную часть Великого Княжества Литовского.

Таким образом, в основной части гражданского права имперская власть сочла возможным пойти на большие или меньшие уступки местному населению сохраняя местное право с целью обеспечения политической лояльности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер. – М. : Традиция – Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
2. Каспэ, С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – М. : РОССПЭН, 2001. – 256 с.
3. Любавский, М. К. Историческая география России в связи с колонизацией / М. К. Любавский. – М. : Тип.-лит. И. И. Любимова, 1909. – 404 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830-1858. – Т. I-XXXII.
5. Свод законов Российской империи. Издание 1832 года. – СПб. : Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. – Т. I. Свод учреждений государственных и губернских. – Ч. I. Основные законы и учреждения государственные. – LXXII, 954, 15 с.
6. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. – Л. : Изд-во «Наука», 1987. – 448 с.
7. Трепавлов, В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. / В. В. Трепавлов. – М. : Вост. лит-ра, 2007. – 255 с.